

УДК 808

К ЧЕМУ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ СТРЕМЛЕНИЕ К ЭКОНОМИИ РЕЧЕВЫХ УСИЛИЙ В КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

О.Б. Сиротинина, А.И. Матяшевская

В статье рассмотрены причины и следствия, наблюдаемых сейчас изменений в русской речи, далеко не всегда положительно влияющих на судьбу русского языка. Подчеркнута роль этих процессов в речи СМИ и выдвинута гипотеза особенно опасного для языка (и даже человека) влияния Интернет-коммуникации. Обращено внимание на распространение через СМИ модных слов, что грозит обеднением лексикона не только журналистов, но и языка, намечены необходимые меры для нейтрализации вредных влияний: лингвистическое просвещение, реальная оптимизация дошкольного, школьного, вузовского преподавания и подготовки учителей.

Ключевые слова и фразы: русский язык; речь; заимствования; жаргонизмы; интернет-коммуникация; интернет-речь; судьба языка.

EFFORTLESS SPEECH AND ITS IMPACT ON THE RUSSIAN LANGUAGE

O.B. Sirotinina, A.I. Matyashevskaya

This paper examines the chain of cause and effect of changes in speech and their ill-effects on the Russian language. The article highlights the importance of this shift in media language and warns that the Internet as a tool for mass communications has negative impact both on the language and on the individuals who use it. The paper explores the way of trendy words spread due to their usage in media. The result is the threat of impoverishment of journalists and the language as a whole. To stop these detrimental effect the article calls for the necessary measures to be taken, among which are linguistic enlightenment, real optimization decisions in preschool, school and higher education and teacher training.

Key words and phrases: the Russian language; speech; borrowings; slang; Internet communications; online chat; the destiny of language.

Современный русский мир в разных странах объединяет русский язык и русская литература, прежде всего классическая. Сохранять свою этноидентичность в условиях окружающей враждебности (идёт самая настоящая информационная война [Сковородников, Копнина 2016]) становится всё сложнее, и единственный помощник в этом – русский язык с отражённым в нём русским менталитетом. О фактической непереводимости на западноевропейские языки говорили в своих докладах на конгрессе МАПРЯЛ в 1994 г. французы и итальянцы: невозможен адекватный перевод таких слов как *правда* (*жить по правде* не антоним к *ложь*), *культура* (понятие более широкое, чем *цивилизация* с её опорой на достижения техники и соблюдение законов), изменяющиеся по времени глаголы эмоциональных переживаний (*волнуюсь, тревожусь, наслаждаюсь, радуюсь*), а не фиксация результатов этих процессов, характерная для западноевропейских языков и т.д. Можно

сказать, что русский мир в голове, на языке и как отражение этого в классической русской литературе.

Естественно, что лингвистов в этой триаде волнует именно язык. А он (и не только за пределами своей для него страны – России) не может не изменяться: пока жив народ, говорящий на том или ином языке, живёт, а значит, изменяется, и язык, но, увы, изменяется далеко не всегда в лучшую сторону.

Изменения происходили, происходят и будут происходить как по имманентным для него законам (прежде всего с этим связаны фонетические процессы, появление стойких фонетических чередований), но и под внешним воздействием: заимствование у других народов не только каких-то реалий, но и их номинаций, усиление этого процесса в условиях глобализации мира и появления новых средств связи вплоть до становления у языка новой, третьей, формации – Интернет-речи. Информационная война привела к распространению негативно-оценочных и, наоборот, положительно-оценочных значений и коннотаций у прежде нейтральных лексем (*амбиции*, *амбициозный* превращаются в желаемое качество, а *физиономия* становится мягким синонимом *морды*, *идеология* воспринимается как нечто порочное). Появилось засилье неопределённости из-за ужесточения судебной ответственности журналистов и т.д.

При этом в использовании языка всегда и всюду происходит борьба двух общечеловеческих тенденций в работе мозга адресанта: стремления к точности выражения своей мысли, отражения в ней предметов и явлений окружающего нас мира и такой же силы стремления к экономии собственных умственных усилий в поиске самого точного слова, самого эффективного нюанса построений фразы. Первая тенденция направлена на уменьшение усилий адресата, вторая – адресанта. Баланс этих стремлений обеспечивает возможность общения людей разных поколений, разных профессий и взглядов при использовании одного и того же языка, несмотря на постоянно возникающую рискогенность коммуникации [Рискогенность ... 2015] и постепенное развитие языка в сторону действия первой или второй тенденции. Реализация тенденции к точности информации обогащает язык: увеличивается количество синонимов, терминов, полисемия всё жёстче опирается на контекст, тем самым разграничивая использование одного слова в разных значениях, создаются всё новые и новые вспомогательные (в помощь адресату) средства (в истории языка предлоги и союзы не только первообразные, потом аналоги союзов) и в последнее время дискурсивные употребления средств, передающих основную информацию [Викторова 2015].

Изменения в сторону действия второй тенденции приводят к обеднению языка: уменьшается количество не только синонимов (лексема *одеть* фактически вытеснила *надеть*), но и вообще происходит сокращение всего лексикона и, увы, замена литературных слов на жаргонные, просторечные слова и даже мат, т.е. жаргонизация литературного языка или не менее страшная для языка замена исконно русских и уже адаптированных русским языком заимствований на новые англицизмы. Особенно это типично для речи в СМИ.

Когда-то нормы литературного русского языка, которым владели только очень грамотные люди, складывались под влиянием классической русской литературы. С развитием грамотности населения и внедрением в жизнь людей технических достижений (сначала радио, потом телевидения, а теперь и Интернета) кроме высококультурных носителей литературного языка стали писать и говорить на нём так называемые пользователи [Нещименко 2001], которые ничего не знают о дифференциации литературного языка и очень мало о его кодифицированных нормах (представители в лучшем случае среднелитературной, а то и обиходной речевой культуры [Сиротина 2016]).

Пользователи – это как раз та самая речь масс, на которую в 90-е годы стали ориентироваться российские СМИ, а на них как на эталон хорошей речи – речь масс. Вот и получился «заколдованный» круг. Именно о результатах «работы» этого замкнутого круга, очень опасного для судьбы языка – главного стержня русского мира и пойдёт речь в данной статье.

Условия труда журналистов создают вечный цейтнот, не позволяющий им, даже работающим в газете, т.е. с письменной формой речи, тем более «говорящим», иметь время на выбор самого точного в данном контексте или ситуации слова. А если весь их лексикон ещё и невелик, то тем более используется первое пришедшее в голову, чаще всего модное сейчас словечко. Недаром появились даже издания словарей модных слов [Новиков 2012, 2016], отнюдь не для включения их в кодифицированный лексикон. Чаще всего это как раз слова, кодификации не заслуживающие, но, к сожалению, в СМИ широко встречающиеся: во II издании уже 200 слов (в первом было 136), причём это пополнение именно модного лексикона, а не авторского списка.

В условиях современных возможностей распространения любой моды количество модных слов и увеличивается с огромной скоростью, и сама мода меняется очень быстро. Так, в словаре 2016 г. появилось слово *лузер*, вытеснившее русское *неудачник*, а, по наблюдениям авторов этой статьи, оно уже в свою очередь вытеснено распространившимся почти мгновенно словом *даунишфтер*. Впервые О.Б. Сиротина зафиксировала его

появление, но не с таким значением в «Аргументах и фактах» 2015, № 14, а сейчас оно уже употребляется и вместо *лузер* (сначала Германом Грефом на экономическом форуме, а с его легкой руки постоянно). *Инновации* заменили собой не только *новшества*, но и *новации*. Модными сейчас являются такие англицизмы, как *бизнес*, *блог*, *бренд*, *мем*, *драйв*, *дедлайн*, американское *вау*, слово *кайф* и многие другие (чаще англо-американские) заимствования. Но есть и явно просторечное *сфоткать*, жаргонные *жесть*, *круто*, *отстой*, *понт*, *прикид*. Многие, по нашим наблюдениям, уже стало модным, но ещё не попало на глаза и слух Вл. Новикова. Это и уже выше приведённое *даунишфтер*, и *краудфандинг*; *пранкер*, пожалуй, уже приблизилось к модным *саспенс*.

Если бы модным (а значит широко употребляемым) становилось действительно нужное для эффективности общения слово, как в своё время вместе с новым предметом быта появился *зонтик*, ещё раньше *фонарь*, язык бы от новых модных слов только обогащался. Думается, что так произошло и с английским словом *киллер*, не заменившим собой ни официального *палача*, ни *убийцу* (возможно, убившего по неосторожности, не намеревавшегося убивать), а дополнившего синонимический ряд словом *киллер* в значении ‘убийца по заказу’ из-за распространившихся фактов таких убийств в лихие 90-е. И обратный пример. Ещё буквально полгода назад в текстах СМИ были только единичные употребления просторечных *схожий*, *схожесть* (в основном в рекламе) [Сиротина 2015], а сейчас они читаются и слышны почти ежедневно в самых уважаемых газетах, на радио России и главных каналах ТВ, из уст даже людей, казалось бы, высококультурных (например, М. Захаровой, С. Брилева): *схожие предпочтения*; *схожие обстоятельства*.

Несколько лет назад просторечного *схожий* в СМИ не было совсем, использовались синонимы *похожий*, *похожесть* – для внешних признаков и *сходный*, *сходство* – для внутренних, *подобный* – ‘имеет подобие’. В «Большом универсальном словаре русского языка» 2016 г. [Большой ... 2016], как и в других толковых словарях, различия в употреблении слов *похожий*, *сходный*, *подобный* не подчеркнуты, но в приведённых примерах, в отличие от «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Толковый ... 2007], где *схожий* дано как просторечное, В.В. Морковкин классифицирует его уже как разговорное. Думается, что такое «передвижение» слова *схожий* отвечает реальному к 2016 г. употреблению, что связано с его большей, чем у литературных синонимов, диффузностью значения. Наш мониторинг СМИ констатирует почти полное вытеснение из употребления слов *сходный*, *сходство*, *подобный*, *подобие*, но господствовало с середины 2015 г. всё-таки не *схожий*, а *похожий* и при

внешнем, и при более обобщённо-отвлечённом внутреннем сходстве типа *похожая ситуация, похожие условия / цены / цели / стремления* и т.д.

В наших материалах и материалах ruscorpora.ru соотношения в употреблении этих 4 синонимов таковы:

Слово	ruscorpora.ru			Наши материалы	
	XIX век	XX век	XXI век	2015 г.	I кв. 2016 г.
Похожий	9688	3222	1202	33	6
Схожий	28	71	71	57	25
Сходный	43	69	64	19	5
Подобный	808	1440	1316	29	3

Как видим, изменения значительны. Конечно, хотя соотношения показательны, они не до конца достоверны из-за физической невозможности объять и зафиксировать все употребления (идёт пополнение корпуса ещё не введёнными в него текстами, наш мониторинг касается только речи в СМИ: одних и тех же газет и передач, но с разной степенью регулярности (из-за большой занятости в 2016 г. с меньшей регулярностью)). И всё-таки факты говорят сами за себя: резко меняется соотношение употребляемости слов и, к сожалению, модным становится *схожий*. В наших материалах и устной, и печатной речи в СМИ фактически ежедневно встречаем *схожее обновление; при схожих обстоятельствах; цель была схожа; при схожести позиций; очень схоже; нет ничего более схожего; в схожих ситуациях; было схоже это рассуждение; схожие причины; схожее значение; схожее побоище; схожи с человеком; схожие коммуникации; ситуация один в один схожа с той; схожие черты; нечто схожее; схожа с арабской весной; схожие проекты; схожее преступление* и т.д. (количественные данные в наших материалах даны без учёта рекламы).

Аналогичные процессы происходят и с другими словами. Стремление к экономии усилий приводит к диффузии одного из членов синонимического ряда и вытеснению менее диффузного. Так произошло в паре интенсификаторов *достаточно* и *довольно*. Первое из них нормативно в качестве сказуемого [Толковый ... 2007] и обозначает то, чего хватает для какого-то результата или утверждения (школьная формула *Для доказательства теоремы достаточно доказать...*). В современном расширенном употреблении слово *достаточно* допустимо, фактически стало уже узуальной нормой и его использование в качестве интенсификатора признака, действия (в качестве обстоятельства меры, степени), если дальше

следует для чего: *Платье достаточно коротко, чтобы считаться модным, не нужно его ещё укорачивать; Достаточно полезны для здоровья все овощи и фрукты* и т.д.

Второе слово этого ряда *довольно* может быть и сказуемым, и обстоятельством, но обязательно служит выражением неопределённости меры, степени: *Он довольно хорош собой; Она довольно ветренная особа; Дом довольно высокий, виден издалека, но всё же не небоскрёб* и т.д.

Однако в XXI в. за счёт постепенной диффузии *достаточно* стало употребляться не только без указания для чего, но и с явным значением неопределённости [Сиротинина 2014], даже в научных текстах филологов: *Можно констатировать, что в целом интерес к творчеству Г.И. Успенского всегда был достаточно высок; Изучение его художественных принципов не получило к настоящему времени достаточно подробного освещения* (автореф. канд. дис.); *Даже в статье лингвиста: метафора оказывалась достаточно жёстко прикрепленной к образным средствам; происходит формирование метафорических полей со сложной и многоуровневой структурой, достаточно стабильных в диахронии. Именно здесь метафора имеет тенденцию к формированию собственной достаточно автономной системы; Метафорическая система функционирует как система, обладающая достаточно чёткой, разветвлённой <...> структурой.*

Но, если в этих употреблениях *достаточно* ещё можно оправдать подтекстовым присутствием ‘для того, чтобы этим не заниматься; чтобы считать это закономерностью’, то для нижеприведённых фактов не может быть и такого оправдания: *А вообще я не сторонник давать оценки за глаза, хотя ситуация в Волгоградской области достаточно напряжённая* (Наталья Башлыкова. «Не думаю, что меня испугался губернатор, он ведь Герой России». Известия. 01.07.2014); *Чаще всего чиновники приобретают жилье, декларируемые покупки автомобилей достаточно редки* («Декларации ни о чем: как госслужащие отчитываются о крупных расходах». РБК Дейли. 27.06.2014); *Управлять этими областями достаточно тяжело, и если руководитель может хотя бы поддерживать нормальное состояние региона, приходится делать скидку на его принципы организации выборов, они могут немножко хромать* (Известия. 25.06.2014); *Всем ясно, что нынешнее перемирие достаточно неустойчивое, официальный Дамаск и вооружённая оппозиция рассматривают его как передышку, возможно, аналогичное отношение и у части внешних игроков* (АиФ. 11.03.2016); *Заменить пляжные курорты Египта и Турции зарубежными в предстоящий весенний сезон будет достаточно непросто, поскольку они предлагали отличное сочетание цена-качество, но всё же альтернативы у путешественников есть.* <...> Среди

альтернативного пляжного направления запрещённому Египту по температурным условиям и стоимости отдыха специалисты DaTravel.com рекомендуют страны Азии – Таиланд, Вьетнам и Китай. Несмотря на достаточно высокую стоимость перелёта, в этих странах можно сэкономить на проживании (АиФ. 11.03.2016) и т. д.

Встретилось даже достаточно хулиганской и опасной атакой (МК. 18.02.2016), а в устной речи на Радио «Эхо Москвы» и достаточно скупо, достаточно неоднозначно, и таких фактов не мало.

В 2015 – начале 2016 г. заметно изменилась вообще вся система интенсификаторов. С одной стороны, возрождаются в употреблении, казалось, уже устаревшие *весьма* [Сиротинина 2015a] и даже *сугубо*, с другой – всё усиливается процесс вымывания из интенсификаторов их вещественного (референтного) значения не только из слова *достаточно*, но и *сильно*, сделавший возможным объединение в одном словосочетании противоположных качеств (*сильно ослаб; сильно ослабело*). *Крайне* (становится модным и потому всё более частотным, теряющим значение края, красной черты) чаще всего встречается в сочетаниях *крайне опасно; крайне вредно*, но со второй половины 2015 г. уже регулярны (всего за год 80) в сочетании с чем-то положительным: *крайне удачный; крайне удачно; крайне положительно; крайне важно; крайне полезно* и т.д., причём не только в спонтанной устной речи, но и в газетах.

И обратный процесс – усиление категоричности, отсюда расширенная употребляемость интенсификаторов *совершенно, абсолютно, вполне, полностью* и самого из них частотного *совсем* (ср. с картиной месячного мониторинга конца 2014 – начала 2015 г. в [Сиротинина 2015a]). Это уже проявление тенденции к точности.

Всё ярче проявляет себя и стремление к оригинальности выражения усиления. Ещё год назад сочетания с необычным усилителем типа *дико довольны, дико радуемся* в наших материалах были единичны (*ужасно рад, ужасно красив* – уже давно рядовые из-за диффузии усилителя *ужасно*). Теперь сочетания с непривычным по своему смысловому наполнению усилителем не редкость: *принципиально неоднозначно; бесконечно обидно; безнадежно наивно; безбожно преувеличивают; безумно серьёзный; безмерно укладывается*. Особенно характерны подобные сочетания для М. Ростовского (см. [Кормилицына, Сиротинина 2014, 2015]), но у него, в отличие от *сильно ослаб*, это не первое, что пришло в голову, а очень значимые усилители, намеренно употреблённые.

Чаще всего намеренно употребляются сейчас и нелитературные словечки, предельно грубая лексика (*твари; вмазать; хреновый; мать вашу* и даже частично заменённый точками

прямой мат в цитате: *Представляешь, эти п...сы, эти бл...ди не хотят идти в «Солидарность»* (АиФ. 20.12.2011). Особенно это характерно для оппозиционных текстов «Новой газеты» и радиостанции «Эхо Москвы» (прямого мата, поскольку точки в устной речи невозможны, там нет, но грубейшая лексика, особенно у Ю. Латыниной (например, синоним грубого *дерьмо* на букву *г...о* звучит частенько)).

Если учесть, что подобные факты встречаются, как показала в своей диссертации А.И. Матяшевская [Матяшевская 2014] и в современных английских газетах (с заменой точек на звёздочки) можно предположить, что это явление не только российское, а именно веяние времени, своеобразная реакция на узаконенную свободу слова. Но вряд ли это полезная и для языка, и для общества реакция. Любая свобода имеет свои ограничения, свобода – это не вольница, и в России такая «свобода» уже ограничена законодательно.

Изменившиеся условия жизни очень пополнили литературный язык не только новыми для него заимствованиями. Понятно, что новые реалии жизни потребовали их номинации, и в условиях современной глобализации проще и во многих случаях целесообразнее использовать готовую, да ещё распространённую по всему миру английскую номинацию. Так появились необходимые *риелтеры, лоукостеры, брокеры*, однако появлялись и *тинейджеры*, хотя при наличии слова *подросток* с ясной внутренней формой, тем же значением и даже более продуктивным в образовании производных (*подростковый*), в слове *тинейджер* нужды не было. К счастью, оно, модное в конце XX в., в русском языке не задержалось. А вот ставшее модным в конце 2015 г. *краудфандинг* пока держит приоритет перед *народным финансированием*, возможно, именно из-за своей однословности. Как и *аутсорсинг, селфи, биллинг*. «Инговая» суффиксация так прочно вошла в русский язык, что стала использоваться даже для однословных номинаций явлений, обозначенных по фамилиям их участников (*пехтинг, маргелинг*), *паркинг* наряду с более русской *парковка*. В 2016 г. появился (после того, как в М. Касьянова бросили торт) ещё и *тортинг осмысленный* и *беспощадный* (МК. 18.03.2016). Особенно широко подобные номинации используются в названиях косметических процедур (*лифтинг*).

Сейчас все ещё сохраняется мода на англицизмы (даже с латинским шрифтом написания) в названиях фирм, магазинов русских владельцев: *Парк приключений ZaDoor; кондитерская Pêche Mignon; обувной магазин Rendez-vous; магазин косметики Ile de Beaute* и т.д. Как выразился один наш коллега «Без знания английского языка газеты читать невозможно» (см. [Рискогенность... 2015]).

Изменились приёмы адаптации заимствований. Прежняя транслитерация стала

сменяться опорой на произношение (ср. старое заимствование – *консультация* и новое *консалтинг*, *консалтинговые услуги* и даже с передачей искажённого произношения: *коворкинг* из *coworking*, к тому же и с изменённым значением: не ‘совместная работа’, а ‘помещение / организация для совместной аренды места с доступом в Интернет для разных арендаторов’ (см. [Сиротина 2014])).

Пополнение русского лексикона, если в этом есть нужда, факт положительный, хотя риски непонимания при этом безусловно существуют. Так, например, стало сейчас в образовании модным обучение необходимым *компетенциям*, но будущим журналистам-первокурсникам это слово оказалось совершенно непонятным. На вопрос, что это такое в их понимании, последовали ответы: *границы дозволенного; права; полномочия*. Вот и встаёт вопрос: всегда ли массовый адресат понимает то, что СМИ ему направляют? Всегда ли жители городов ориентируются в «зазывающих» их магазинах с вывесками даже в латинице? Но ещё хуже, когда вовсе не необходимое заимствование вытесняет своё родное именование чего-либо.

И беда не только в заимствованиях из других языков. Есть и пополнение литературного языка из других страт русского же языка. Криминальная обстановка 90-х и ориентация СМИ того времени на язык масс ввели в него не только заимствованное из английского *киллер*, но и арготические *наезды*, *разборки*, *авторитеты* (старое заимствование, но с изменённым значением), *стрелка* и т.д. Сейчас даже сформирован и издан словарь – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в.» в 3-х томах. СПб, 2014 (см. рецензию в журнале «Русский язык в научном освещении». 2015. № 2 (30). С. 251–256). Именно в этот период были заложены основы подрыва сохранения нормативности в развитии языка. Показателями тревоги за судьбу русского языка как такового, с точки зрения чрезмерного засилья в нём англицизмов, появилась даже в издававшемся в Берлине журнале *Russistik* тревожная статья на эту тему англичанина [Данн 1997], а из-за жаргонизации даже не тревога, а прямое утверждение конца русского языка в изданной в Мюнхене монографии [Дуличенко 1994]. Это побудило Институт русского языка РАН провести своё фундаментальное исследование русского языка того же периода (см. [Русский язык конца XX столетия 1996]), чтобы иметь право на более оптимистичный прогноз. Исследования эти продолжались и потом [Современный русский язык. Активные процессы 2008].

С 90-х годов свой мониторинг проводит и один из авторов этой статьи (см., например, [Сиротина 2015б]). В результате можно утверждать, что русский язык не превратился в

ruslang, и литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры в России всё-таки не сложившая версия его реализации [Сиротинина 2013]. Однако опасность такого развития событий всё ещё не исключена: слишком устойчива мода на англицизмы, и не только у рядовых пользователей русского языка, но и у журналистов, на речь которых (в лучшем случае) пользователи ориентируются, господствует тенденция к экономии усилий (во многом, как уже было сказано, у журналистов вынужденная).

Жаргонизмы, вошедшие в употребление из-за реалий жизни (*наезды, разборки* и т.д.), элементы ставшего уже международным Интернет-сленга (*лайки, мем, спам* сейчас ещё и *торрент*) действительно нужны. Но нужны ли такие жаргонизмы, как *жесть*; заимствованные из американского сленга *вау, кайф, бан* (в значении не ‘запрет’, а ‘безвозвратный конец’ (см. газетный заголовок «Любовь уходит в бан»)). До сих пор не удаётся «загнать в бутылку» мат и другую грубую лексику. А ведь именно из-за этого родители зарубежных гимназистов стали отказываться от изучения ими русского языка, что и послужило причиной создания в 1995 г. Совета по русскому языку при Президенте РФ. Благодаря работе Совета начали издаваться нормативные словари, был введён вузовский курс «Русский язык и культура речи» и созданы соответствующие учебники и пособия, после 7-летнего обсуждения был наконец принят Закон «О государственном языке Российской Федерации».

Однако, введённый в конце XX в., этот курс остался в немногих вузах, знают (читали) Закон единицы... Вот и пришлось заново создавать Совет по русскому языку, в Госдуме обсуждать новые подходы к преподаванию русского языка в школе. В 2016 г. создано и Общество русской словесности во главе с Патриархом. По данным газеты «Комсомольская правда» (31.03.2016) две трети россиян раздражены допускаемыми ошибками в произношении, написании и употреблении каких-либо слов не соответственно нормам литературного русского языка. В результате был проведён конкурс, в котором победила «Комсомольская правда», создавшая проект «Уроки русского» (www.kp.ru/daily/Russian_lessons (дата обращения – 02.04.2016)), «чтобы сохранить наше уникальное богатство – русскую речь», поддержанный грантом по результатам конкурса, проведённого Обществом «Знание» (приказ Президента РФ от 01.04.2015 рп).

Современная жаргонизация и варваризация речи, во многом зависящая от условий современной жизни – угроза языку, но, пожалуй, не главная: её можно и нужно нейтрализовать языковым просвещением (работа «Служб языка», школ русской речи, как при Пензенском университете, уроков русского на сайте «Комсомольской правды»,

пользующихся популярностью у взрослых в Саратове кроме радиопередачи «Служба русского языка» есть ещё и в Интернете каждый четверг на сайте multimarket.ru обсуждение норм русского языка в рубрике «Главное в тортах – это ударение»), реальной оптимизацией подготовки учителей и школьного образования, улучшением законодательства и его применения к СМИ.

Сложнее предотвратить угрозу языку, связанную с формированием у людей из-за привычки к возможностям Интернета и «пребывания» в нём, что привело к создавшейся третьей формации использования языка – Интернет-речи [Интернет-коммуникация 2012]. Суть Интернет-речи (в отличие от письменной формы языка с многоэтапным обдумыванием, исправлениями – поиском более точного выражения, обращениями к словарям, работой с черновиком и даже внешним редактором, а в отличие от устной формы непосредственного общения с оглядкой на реакции адресата) заключается в возможности выражения своей мгновенной реакции (часто даже не словами, а лайками), что полностью исключает процесс обдумывания, траты времени и сил на поиск выражения, на правки, хотя они могли бы легко осуществляться.

Эта практика «освобождает» Интернет-коммуниканта от заботы об адресате (да он чаще всего и неведом адресанту), от привычки думать, а не просто реагировать на что-то, предусматривать последствия своих откровенностей в соцсетях, нередко приводящих к распаду семьи.

Фактическое неуважение к своему языку в реактивной спонтанности Интернет-коммуникации влияет не только на обеднение русской речи, но и языка, приучая пользоваться не словами, а не требующими никаких усилий поиска нужного принятыми в Интернет-речи лайками и другими невербальными знаками. Но – и это самая большая угроза – такая коммуникация действует на мозг, приучает человека (теперь уже с малых лет!) не развивать нейронные связи, так называемое серое вещество, объём долговременной памяти, а пользоваться только тем минимумом, который предоставляет нам оперативная память. Тревогу ощущают уже не только лингвисты, но и психологи. Интернет – великое благо для человечества, но не станет ли он и его погубителем? Нельзя этого допустить!

Очевидно, наша основная беда (и вина) состоит в том, что у россиян выработалась привычка надеяться на кого-то и винить во всём кого-то (власть, Европу, США) только не себя. А человек сам хозяин своей судьбы, судьба языка тоже зависит от нас [Сиротинина 2007], а не только и не столько от законов, образовательных установок и речи в СМИ. Каждый говорящий на русском языке должен контролировать свою речь, заботиться об

адресате и о том, каким будет (и останется ли таковым) русский язык – объединяющий стержень русского мира. И касается это не только языка, а всей нашей жизни – всё зависит не только от власти, но и от активной, а не на словах, реальной работы, поведения, отношения к делу каждого из нас.

Список литературы

Большой универсальный русского языка / под ред. В.М. Марковкина; В.М. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая. М.: Словарь XXI века; Аст-Пресс КНИГА, 2016. 1456 с.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: ООО Изд. Центр «Наука», 2015. 404 с.

Данн Дж. О функциях «английского» в современном русском языке // *Russistik* (Берлин), 1998. № 1/2. С. 27–36.

Дуличенко А.Д. Русский язык конца XXI столетия. Munghen, 1994. 346 с.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцевой, О.В. Лутовиновой / Е.И. Горошко, Е.Н. Галичкина, М.С. Рыжков, Л.А. Шестак, С.И. Агагюлова, Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова, Н.А. Карабань, А.А. Качанова, И.С. Черкасова, Н.А. Красавский, Б.Я. Шарифуллин, С.В. Ильясова, Е.В. Каллистратидис, В.И. Карасик, Л.А. Кочетова, В.А. Митягина, Е.Б. Штукарева, А.А. Кудрявцева. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 328 с.

Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Идиостиль журналиста. Ст. 1. Медиалингвистика / межд. научн. журнал. С-Петер. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2014. № 2(5). С. 40–48.

Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Идиостиль журналиста. Ст. 2. Медиалингвистика / межд. научн. журнал. С-Петер. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2015. № 1(6). С. 25–33.

Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 213 с.

Нещименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // *Вопросы языкознания*. 2001. № 1. С. 98–132.

Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Аст-Пресс КНИГА, 2012. 256 с.

Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016. 352 с.

Рискогенность современной коммуникации роль коммуникативной компетентности в её преодолении: коллективная монография / под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова, А.В. Дегальцева, М.Н. Дегальцева, М.А. Кормилицына, Г.С. Куликова, А.И. Матяшевская, Т.А. Милёхина, О.Б. Сиротинина, Е.В. Уздинская, Д.И. Яхина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской / Вл. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Н.Е. Ильина, М.В. Китайгородская, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, Н.Н. Розанова. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.

Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 5–14.

Сиротинина О.Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилициной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015а. Вып. 15. С. 4–23.

Сиротинина О.Б. Пространство языка под «лупой» мониторинга речи // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. Москва–Саратов: Амирит, 2015б. С. 145–154.

Сиротинина О.Б. Принципиальные различия устной и письменной речи / Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (г. Саратов, СГУ, 18–19 ноября 2015 г.). Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 94–103

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / «Политическая лингвистика» / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. Вып. 1 (55). С. 42–52.

Современный русский язык. Актуальные процессы на рубеже XI–XXI веков / под ред. Л.П. Крысина / М.Л. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А. В. Занадворная, Е.А. Земская, Е.В. Какорина, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, Р.И. Розина. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой / РАН Ин-т рус. яз. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary] edited by V.M. Markovkina; V.M. Morkovkin, G.F. Bogachyova, N.M. Luckaya. M.: Slovar' XXI veka; Ast-Press KNIGA Publ., 2016. 1456 p.

Viktorova E.Yu. Vspomogatel'naya sistema diskursa. [The subsidiary system of discourse]. Saratov, OOO Centr «Nauka» Publ., 2015. 404 p.

Dann Dzh. O funkciyax «anglijskogo» v sovremennom russkom yazyke [Some functions of English in contemporary Russian]. *Russistik (Berlin)*. 1998. № 1/2. Pp. 27–36.

Dulichenko A. D. Russkij yazyk konca XXI stoletiya [The Russian language of late 20th century]. Munghen, 1994. 346 p.

Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya [Internet communications as the new speech type] edited by T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova. M.: FLINTA; Nauka Publ., 2012. 328 p.

Kormilicyna M.A., Sirotinina O.B. Idiostil' zhurnalista [Individual style of a journalist]. Article 1. *Media Linguistics International Scientific Journal*. 2014. № 2 (5). Pp. 40–48.

Kormilicyna M.A., Sirotinina O.B. Idiostil' zhurnalista. [Individual style of a journalist]. Article 2. *Media Linguistics International Scientific Journal*. 2015. № 1 (6). Pp. 25–33.

Matyashevskaya A.I. Snizhennaya leksika v SMI: klassifikaciya, upotreblenie, e'tnokul'turnye razlichiya (na materiale rossijskix i britanskix gazet) [Substandard vocabulary in the media: classification, usage, ethnic and cultural differences (based on the Russian and British newspapers)]: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2014. 213 p.

Neshhimenko G.P. Dinamika rechevogo standarta sovremennoj publichnoj verbal'noj kommunikacii: Problemy. Tendencii razvitiya [The dynamics of speech standard in public verbal communication: Concerns. Tendencies.]. *Voprosy yazykoznanija*. 2001. № 1. Pp. 98–

132.

Novikov V.I. Slovar' modnyx slov . Yazykovaya kartina sovremennosti. [The dictionary of trendy words. Current linguistic world-image]. M.: Ast-Press KNIGA Publ., 2012. 256 p.

Novikov V.I. Slovar' modnyx slov. Yazykovaya kartina sovremennosti. [The dictionary of trendy words. Current linguistic world-image]. M.: Slovare XXI veka Publ., 2016. 352 p.

Riskogenost' sovremennoj kommunikacii i rol' kommunikativnoj kompetentnosti v eyo preodolenii [Riskogenics of present-day communication and the role of communicative competence in its overcoming]: multy-authored book edited by O.B. Sirotnina, M.A. Kormilicyna. Saratov: SSU Publ., 2015. 188 p.

Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995) [The Russian language of late 20th century] edited by E.A. Zemskaya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 480 p.

Sirotnina O.B. Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski [The Russian language: its system, usage and risks]. Saratov: SSU Publ., 2013. 116 p.

Sirotnina O.B. Bor'ba s riskogenost'yu obshheniya kak odna iz problem rechevedeniya [The prevention of communication riskogenics as an issue of speech studies]. *Problemy rechevoj kommunikacii [The issues of verbal communication]*. SSU Publ., 2014. Issue 14. Pp. 5–14.

Sirotnina O.B. «Volny» izmenenij v funkcionirovanii russkogo yazyka [The waves of change in the Russian language]. *Problemy rechevoj kommunikacii [The issues of verbal communication]*. 2015a. Issue 15. Pp. 4–23.

Sirotnina O.B. Prostranstvo yazyka pod «lupoj» monitoringa rechi [In-depth study of language through observation of speech]. Yazyk v prostranstve rechevyx kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina. [The language from the point of view of speech culture; the anniversary of E.V. Goldin]. Moskva–Saratov: Amirit Publ., 2015b. Pp. 145–154.

Sirotnina O.B. Principial'nye razlichiya ustnoj i pis'mennoj rechi [The principal difference between talking and writing]. *Russkaya ustnaya rech': materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «II-e Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech': russkaya dialektnaya i razgovorno-prostorechnaya kul'tura obshheniya» [Russian speech: proceedings of all-Russian scientific conference with international speakers «The second conference in honor of L. I. Barannikova. Speech: Russian dialects and slang communication»]* (Saratov, SSU, 18–19 November 2015). Issue 2. Saratov : Amirit Publ., 2016. Pp. 94–103

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lingvistika informacionno-psixologicheskoy vojny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of info-psychological war: reasoning and definition]. «*Politicheskaya lingvistika*» [«*Political linguistics*»] edited by A.P. Chudinov. Ekaterinburg, 2016. Issue 1 (55). Pp. 42–52.

Sovremennyj russkij yazyk. Aktual'nye processy na rubezhe XI–XXI vekov [Contemporary Russian: the shifts at the turn-of-the 20–21 centuries] edited by L.P. Krysin. M.: Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2008. 712 p.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proisxozhdenii slov [The explanatory dictionary of the Russian language edited by N. Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

Email: skunak@mail.ru

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
Email: angelinacaribe@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Sirotnina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication
National Research Saratov State University
83 Astrakhanskaya street, Saratov 410012 Russia
Email: skunak@mail.ru

Matyashevskaya Angelina Igorevna, Ph.D. in Linguistics, Instructor at the Department of the English Language and Intercultural Communication
National Research Saratov State University
83 Astrakhanskaya street, Saratov 410012 Russia
Email: angelinacaribe@gmail.com